

Джерела та література

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Республика, 2002. – С. 1 – 2.
2. Бодрийяр Ж. Злой демон образов / Ж. Бодрийяр // Искусство кино. – 1992. – № 10. – С. 28.
3. Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение / В. А. Грехнев. – Н. Новгород, 2007. – С. 200.
4. Делез Ж. Платон и симулякр / Ж. Делез. – СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1998. – С.34.
5. Исаев В. Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры / В. Д. Исаев. – Луганськ : «Світлиця», 2003. – С. 48.
6. Исаев В. Д. Віртуальна занепадність людини культури : монографія / В. Д. Исаев, Т. В. Лугуценко, М. А. Журба. – Луганськ : вид-во СНУ ім. В.Даля, 2012. – С. 286.
7. Кларк Дэвид Б. Потребление и город, современность и постсовременность / Кларк Дэвид Б. // Логос. – 2002. – № 3 – 4. – С. 28.
8. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – СПб. , 2008. – 166 с.
9. Мид М. Культура и мир детства / М. Мид. – М. , 1988. – С. 217.
10. Михайлов А. В. Человек в искусстве Эрнста Барлаха / А. В. Михайлов // Западное искусство XX век. – М. : 2001. – С. 98.
11. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : 1997. – С. 187.
12. Пелипенко А. А. Постмодернизм в контексте переходных процессов / А. А. Пелипенко // Искусство в ситуации смены циклов. – М. : 2002. – С. 390 – 391.
13. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 2. – М. : 1993. – 203 с.
14. Сен-Викторский Г. О созерцании и его видах : В 2-х т. / Г. Сен-Викторский // Антология средневековой философской мысли. – СПб. : 2002. – Т. 2. – 199 с.
15. Ткач Е. Г. Постмодерное общество : место и роль искусства / Е. Г. Ткач. – М. : Наука, 2005. – С. 4; 23 – 24.
16. Тоффлер Э. Футуршок / Э. Тоффлер. – СПб. : 2009. – 176 с.
17. Урбан А. А. Образ человека – образ времени : очерки советской поэзии / А. А. Урбан. – М. : 2009. – С. 39 – 56.
18. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. – М. : 2003. – 184 с.
19. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Иностранная литература. – 1988. – № 10. – С. 12.
20. Якимович А. К. Искусство XX века. Эпистемология картин мира / А. К. Якимович // Искусствознание. – 2008. – №1. – С. 226 – 255.

Темненко Г.М.**УДК 821.161.1 (82-14)****АХМАТОВА И ФОРМАЛИСТЫ: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ**

...теории гибнут или меняются, а факты, при их помощи найденные и утвержденные, остаются
Б. М. Эйхенбаум

Аннотация. Осмысление Ахматовой общих проблем поэзии тесно связано с историей исследований её собственного творчества литературоведами формальной школы. Их работы вызвали с её стороны вначале неприятие, затем внимание и понимание. Изучение Ахматовой творчества Пушкина не было воспроизведением методики формалистов, но строилось с учётом их опыта.

Ключевые слова: Ахматова, формальный метод в литературоведении, Эйхенбаум, Жирмунский, Пушкин, форма и содержание.

Анотация. Осмысления Ахматовой общих проблем поэзии тесно пов'язане з історією досліджень її власної творчості літературознавцями формальної школи. Їх роботи викликали з її боку спочатку неприйняття, потім увагу і розуміння. Вивчення Ахматовою творчості Пушкіна не було відтворенням методики формалістів, але будувалося з урахуванням їх досвіду.

Ключові слова: Ахматова, формальний метод в літературознавстві, Ейхенбаум, Жирмунський, Пушкін, форма і зміст.

Summary. Akhmatova's understanding of the common problems of poetry is closely linked to the history of research of her own works by literary critics of the formal school. First she rejected their works, but later she paid attention and understand them. Having studied Pushkin's work Akhmatova did not reproduce the formalists methods, but she took into account their experience.

Key words: Akhmatova, a formal method in literary criticism, Eichenbaum, Zhirmunsky, Pushkin, form and content.

Анна Ахматова и формалисты: заметки к теме

В 1912 году вышел в свет первый сборник стихотворений Анны Ахматовой «Вечер». Десятые годы XX века – начало её поэтической славы. Отзывы критиков были в основном благоприятными, но зачастую импрессионистичными и отрывочными. На то же десятилетие приходится появление так называемого формального метода (точная дата его рождения гипотетична, поскольку явление складывалось постепенно). Это была самая молодая и энергичная литературоведческая школа, и не удивительно, что первые попытки научного исследования ахматовской поэтики принадлежат именно формалистам.

При всём устремлении к новациям формалисты не могли и не собирались игнорировать сложившиеся методы и теории – речь шла об их переосмыслении и развитии. Кантианские корни формализма помогают понять те противоречия, которые были заложены в его основании. Как известно, Кант считал главным условием чистоты эстетического вкуса незаинтересованное восприятие прекрасного – отсюда стремление искать таковое прежде всего в совершенстве формы. Однако, оказавшись перед проблемой резкого сужения границ «свободной красоты» орнаментами и прочими беспредметными формами, Кант вынужден был исправить ситуацию введением понятия «привходящей красоты», исполненной жизненно актуальными смыслами. Стремление его последователей преодолеть дуализм формы и содержания надолго оказалось обусловлено самим фактом постулирования этого дуализма. Представление формалистов о преимущественном значении тех или иных формальных характеристик вовсе не означало игнорирования содержательной стороны искусства, однако связь между этими координатами устанавливалась опосредованно и спорно.

Высокий уровень поэтического мастерства Анны Ахматовой, совершенство формы её стихов никогда не вызывали сомнений. Но после революции её творчество, как и всё литературное наследие предшествующей эпохи, неизбежно подверглось критическому пересмотру – и при этом наиболее пристально оценивалась содержательная сторона.

В 1921 году Корней Чуковский напечатал статью «Ахматова и Маяковский», в которой противопоставил их как представителей старой и новой России. Цель была благая: автор высказал убеждение, что русской культуре нужны оба поэта. Однако их различия были заострены до карикатурности. Маяковский превратился в дикого хулигана-громилу, Ахматова – во «влюблённую монахиню, которая одновременно и целует, и крестит» [11, с. 210]. Статья, написанная хлестко и талантливо, произвела впечатление не выводами, а характеристиками, которые превратились в готовые клише, пригодившиеся критикам для обличения устарелости Ахматовой и грубости Маяковского. Повлияла статья Чуковского и на таких непохожих людей, как один из тогдашних вождей партии большевиков Л. Д. Троцкий и тяготивший к формализму молодой лингвист, будущий академик В. В. Виноградов. Первый принял печатно насмешничать над ахматовскими обращениями к богу, второй посчитал слово молитва одним из основных символов её поэзии¹. Г. Лелевич в первом номере журнала «На посту» за 1923 год опубликовал разгромную статью «Анна Ахматова (беглые заметки)», одна из частей которой была озаглавлена: «Молитва между объятий» [7, с. 467].

В том же 1923-м году Б. М. Эйхенбаум опубликовал книгу «Анна Ахматова. Опыт анализа». Написана она была в ином ключе, чем статья Чуковского. Формалистический анализ стиля казался залогом объективности, но проблема ослабления глаголов при явно полноценном их присутствии в ахматовских стихах выглядела для читающей публики не очень актуально. Зато поставленный в начале книги вопрос: от акмеистов или футуристов зависит будущее русской поэзии (грубо говоря, Ахматова или Маяковский?) – был понятен всем и вполне отвечал духу времени своей бескомпромиссностью.

Ответ был дан априори уже на первых страницах книги: акмеисты лишь завершили, а настоящие революционеры – футуристы² [14, с. 84]. Далее следовал увлечённый анализ ахматовского отношения к слову, её синтаксиса, союзов, глаголов, наречий, метрики и строфики, интонации и артикуляции, устойчивости гласных в отдельных словах и их повторяемости в соседних строках и строфах, боковых смыслов взаимноокрашенных слов, влияния стилистических тенденций на словарь... Хотя для анализа содержания места не нашлось (по мнению Эйхенбаума, содержание выражалось суммой приёмов), но без уже привычного слова «монахиня» обойтись было нельзя. Под конец, объясняя появление высокой церковно-библейской лексики необходимостью расширения поэтического словаря, Эйхенбаум заметил: «Тут уже начинает складываться парадоксальный своей двойственностью (вернее – оксюморонностью) образ героини – не то «блудницы» с бурными страстями, не то нищей монахини, которая может вымолить у бога прощение» [14, с. 136]. Впрочем, далее последовала оговорка, что автобиографичность ахматовской поэзии – всего лишь «художественный приём, контрастирующий с абстрактной лирикой символистов» [14, с. 146].

Но слово было произнесено. Среди сложной научной информации – понятное, броское и, по сравнению со словами Чуковского, ещё более запоминающееся. Попросту говоря, акмеисты устарели, героиня ахматовских стихов полностью принадлежит к изживаемому прошлому. Ни монахиням, ни блудницам в новом обществе места не бронировали. Нечаянный подарок вульгарному социологизму. Через 23 года фраза о монахине и блуднице станет главным украшением знаменитого доклада Жданова, разъяснением и обоснованием разгромного постановления ЦК ВКП(б) 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». (Дословно: «не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой»)³ [5, с. 12].

¹ При этом В. В. Виноградов так увлёкся нанизыванием ассоциативных цепочек к символам «молитва», «песня» и «птица», что у него даже ахматовский «журавль у ветхого колодца» (приспособление для подъёма ведра) тоже превратился в птицу, – что вызвало насмешку Эйхенбаума [14, с. 145].

² Представление о революции как о явлении, изменившем не только формы человеческого существования, но прежде всего их содержание, на этом уровне подразумевалось как само собою разумеющееся. Однако его конкретизация на деле содержала слишком много трудно разрешимых вопросов. Решение принималось на основании внешних признаков новаторства формы, автоматически предполагавших и обновление содержания, однако новаторство Ахматовой, рассмотренное с чисто формальной точки зрения, поецировалось лишь на отказ от традиций символизма.

³ Видимо, контаминация выражения из книги Эйхенбаума с подзаголовком статьи Лелевича.

Мог ли Эйхенбаум предположить, какую пищу для армии клеветников даст его фраза? Изобретённый им оксюморонный образ⁴ в контексте исследования фиксировал ценное наблюдение: оксюморон действительно играет важную роль в ахматовской поэтике. Но о его смыслообразующей функции сказано не было. Интерес к функции приёма появился у формалистов несколько позже. Нет свидетельств, что Ахматова тогда обратила на эту фразу особое внимание, но оксюморон оказался столь острым, что и в новом столетии повторяется врагами поэта.

Ахматовой книга Эйхенбаума не понравилась. Для неё новаторство было одним из главных критериев оценки искусства. Ставку на новаторство делали все модернисты, а в послереволюционную эпоху оно на какое-то время стало единственным пропуском в будущее. Ахматова была знакома с этой книгой ещё до её выхода, судя по дневниковой записи Н. Н. Пунина 30.12.1922: «Она разрушена последние дни бесстыдной и наглой книгой Эйхенбаума» [10, с. 162]. К. Чуковский после визита к Ахматовой 15.03.1923 записал в дневнике: «Жалуются на Эйхенбаума – “После его книги обо мне мы раззнакомились”» [12, с.2 40] Ср. записи Л. Гинзбург: «Ахматова утверждает, что главная цель, которую поставил себе Борис Михайлович (Эйхенбаум) в книге о ней, – это показать, какая она старая и какой он молодой...» [4, с. 134]. Ахматова писала об этом и в 60-е годы: «Книга обо мне Эйхенбаума полна пуга и тревоги, как бы из-за меня не очутиться в лит. обозе» [2, т.2, с. 240].

Таким образом, не забывшаяся за сорок лет обида Ахматовой была более всего связана с решением вопроса относительно новаторства или устарелости акмеистов. Это становится тем более понятно, что незадолго до появления книги Эйхенбаум высказался на эту тему в противоположном смысле в статье «Проблемы поэтики Пушкина» (1921): «Из недр символизма возник новый классицизм – в поэзии Кузмина, Ахматовой и Мандельштама находим мы новое ощущение классического Пушкина, утверждённое красивым в своей парадоксальности – афоризмом Мандельштама: «Классическая поэзия – поэзия революции» [14, с. 25] Но уже в книге афоризм Мандельштама приводился только для утверждения акмеистов в роли завершителей большого цикла развития русской поэзии в противовес истинным новаторам – футуристам [14, с. 84]. Естественно, что даже вне пресловутого оксюморона в сложившейся ситуации это звучало для поэтов-акмеистов практически как приговор. Ахматова же никогда не отрекалась от акмеизма и настаивала на его новаторском характере: «Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми 20 века и не хотели оставаться в предыдущем...» [1, т.2, с. 278].

Почему же Ахматова не оценила новаторство формалистов, оригинальность литературоведческого анализа Эйхенбаума и Виноградова? Формалисты на первых порах эпатировали публику с таким же задором, как и футуристы. Эйхенбаум в своей пионерской работе объяснил, «Как сделана “Шинель” Гоголя» (исследовал роль сказа). Шкловский заявил, что знает, как сделан автомобиль, и знает, как сделан «Дон Кихот» (композиция романа постепенно превращает безумца в мудреца). Но «как сделана Ахматова»? Конечно, такой подход к поэзии мог показаться ей бесстыдным вторжением в область священную. Для неё творчество, в согласии с традициями русской лирики, было результатом прозрения, актом служения высшей истине. И представление об искусстве как подобии механической игрушки, – а ещё и разобранной на колёсики и винтики? – ей было невыносимо. Видимо, в её глазах, после такого подхода, от стихов осталась только груда деталей, любопытных лишь для литературоведов, поэтому и жаловалась Пунину, что этой книгой она «разрушена». Показательно в этом отношении признание В. Б. Шкловского: «Мне говорил Блок, что от меня первого услышал настоящий разговор о поэзии, профессиональный разговор, но то, что я говорю, хотя и верно, но поэту знать вредно» [13, с. 454].

Впрочем, Ахматова нашла в себе силы через некоторое время помириться со своим искренне дружелюбным анатомом. Отношение же к формализму как таковому складывалось сложнее. Спустя два года после знакомства с книгой Эйхенбаума, судя по отзыву, записанному Лукницким 27.12.1924, Ахматова оценивала возможности формализма более спокойно: «Он годеи – ну чтоб установить, кому принадлежит неподписанное произведение, или на что-нибудь такое – но не больше...»⁵ [8].

Тем более обращает на себя внимание её сердитая шутка, тоже записанная Лукницким 5.02.1925: «Один Эйхенбаум другого Эйхенбаума Пушкиным по Лермонтову побьет...» [8]. В записях Лукницкого эта фраза никак не прокомментирована. Её смысл понятен только в общем контексте происходящего.

В это время, когда резко изменилась литературная и общественная ситуация, почти исчезла возможность печататься, – для Ахматовой наступила пора погружения в проблемы истории и теории искусства, Один из волновавших её вопросов – это определение места акмеизма в истории литературы, начатое в 1916 году В. М. Жирмунским статьёй «Преодолевшие символизм» [6]. С ним была связана проблема смены литературных стилей, которая нашла продолжение у Б. М. Эйхенбаума, о чём уже шла речь выше. В этой связи Ахматова не могла остаться равнодушной к их работам, тем более, что теории ОПОЯЗа не стояли на месте и заметно эволюционировали. В том же 1923 году В. М. Жирмунский, чьи позиции были далеки от любых крайностей, опубликовал статью «О формальном методе», в которой кантовский дуализм формы и содержания был рассмотрен в отношении «чистого искусства» с искусством, заражающим «слушателя лирическим сочувствием поэта и его эмоциональными оценками» [6, с. 98]

⁴ Своё отношение к смыслу ахматовского творчества в целом Б. М. Эйхенбаум выразил в 1959 году в личном письме: «Ваш голос был для меня смолоту одной из крепчайших опор для борьбы с умственной и душевной темнотой окружающей жизни» [9, с. 157].

⁵ Здесь и далее цитаты из книги П. Лукницкого [8] даются без указания издания и страниц, только по датировкам.

Последовали естественные выводы: «Словесный материал не подчиняется формальному композиционному закону». «Изучение поэзии с точки зрения искусства требует внимания к её тематической стороне» [6, с.102]. Б. М. Эйхенбаум, в отличие от Жирмунского не отошедший от ОПОЯЗа, всё-таки через некоторое время также увидел смысл работ школы в конкретизации первоначальных теоретических предпосылок, «более последовательной разработке историко-литературных проблем и фактов», в исследовании динамики литературных форм, в изучении литературы как своеобразного социального явления [15, IX].

Реплика Ахматовой свидетельствует о пристальном и пристрастном внимании к происходящему – не только поэта, но и начинающего филолога. На эти же годы приходится начало её увлечения «пушкинскими штудиями», которые не прервутся до самой её смерти. Имя Пушкина, несмотря на упорные попытки футуристов «сбросить» его «с парохода современности», оставалось знаком бесспорной ценности, одним из немногих сохранивших всеобщее признание ориентиров. Поэтому анализ пушкинской поэзии затрагивал многие злободневные проблемы. Особенно актуальным было тогда требование оригинальности художественного творчества, неотделимое от уже упомянутой проблемы новизны. В конце XIX – начале XX вв. критики и читатели увлекались «уличительными» разысканиями, и в 1925 году появилась работа М. О. Гершензона со скандальным названием «Плагии Пушкина».

Есть основания предположить, что Ахматова не избежала шока, который представляется естественным при отождествлении слов «плагиат» и «заимствование». На первых порах обнаружение источника того или иного произведения связывалось для неё с некоторым понижением его ценности. Книга Б. М. Эйхенбаума «Лермонтов» была напечатана ещё в 1924 году и содержала подобные же сведения об источниках лермонтовского творчества. Формальные сопоставления различных элементов текстов могли обесценить их смысловое содержание, и не удивительно, что в глазах Ахматовой гораздо более основательной выглядела упомянутая выше его же статья «Проблемы поэтики Пушкина». Там связь поэта с предшественниками, усвоение из достижений рассматривались в общем контексте развития литературы как закономерное условие созидания нового, позволившее Пушкину «уравновесить русский поэтический язык, создать на основе накопленного опыта цельную, крепкую, законченную и устойчивую художественную систему» [14, с. 25]. Идея шла ещё от Белинского, изучение которого входило в гимназическую программу, и естественно, что на первый взгляд статья и книга одного и того же исследователя могли показаться Ахматовой написанными с противоположных позиций, причём её симпатии оказались на стороне автора статьи, а не книги: «Один Эйхенбаум другого Эйхенбаума Пушкиным по Лермонтову побьет...»

Однако преодоление шока связано с более глубоким погружением в проблему. Ахматова в это время внимательно читает А. Шенье и обнаруживает у него места, использованные Пушкиным, Баратынским, Дельвигом. Она открывает целые пласты французских авторов, проступающие в лирике Пушкина. Материалы этой работы были опубликованы лишь после её смерти [3]. Работа не была завершена, однако из того, что дошло до нас, ясно, что она имела не «уличающий», а научный характер, что слово «плагиат» для Ахматовой перестало быть в этой связи актуальным – теперь речь идет для нее о «поэтических влияниях». Правда, 30.11.1925 Ахматова ещё не решается в беседе с Ю. Тыняновым признаться, что занимается этим, и лишь пытается узнать его мнение «о таких работах вообще» [8] Ей понадобится еще некоторое время, чтобы 15.01.1926 дать исследованию Эйхенбаума высокую оценку: «А. А. "Лермонтова" считает лучшей его книжкой: "Он может мне ее принести без стыда"» [8]. Окончательно перемена отношений к исследованиям такого рода проявляется в беседе Ахматовой с Лукницким 19.04.1926. Признаваясь, что работа Эйхенбаума «звучит почти как укор Лермонтову», она все же защищает и Пушкина, и Лермонтова и формулирует свою точку зрения: «Не попрекать поэтов этими заимствованиями придется, а просто изменить взгляд на сущность поэтического творчества. Оно будет пониматься иначе, чем понималось до сих пор и лет десять тому назад...» [8].

Начатая формалистами работа и притягивала, и отталкивала Ахматову. Формалисты стремились преодолеть «примитивный историзм, уводивший в сторону от литературы». Однако поиск типологически близких явлений и закономерностей, их породивших, приводил к иной крайности – к отказу от внимания к личности автора: «Центральной проблемой истории литературы является для нас проблема эволюции вне личности — изучение литературы как *своеобразного социального явления*», писал Эйхенбаум [15]. До повозглашения «смерти автора» Р. Бартом было ещё далеко, но Ахматова литературного дела без автора, как и исследования без внимания к авторской личности, не представляла.

Её статья «Последняя сказка Пушкина» (1933) стала настоящим открытием. Источником «Сказки о золотом петушке» оказалась «Легенда об арабском звездочёте» Вашингтона Ирвинга. Но обнаруженные текстуальные совпадения позволили Ахматовой уточнить суть собственно пушкинского замысла: он деформировал сюжет Ирвинга, на основе его пародийной сказки создал, под видом сказки простонародной, – сатиру на двух русских царей, Александра I и Николая I, вложив в неё много личного. Все дальнейшие «пушкинские штудии» Ахматовой строились по тому же принципу: разыскание источников произведения служило для уточнения и осмысления оригинального авторского замысла.

Работы ОПОЯЗовцев открыли новую эпоху в литературоведении, они были плодотворны, заставляли по-новому взглянуть на искусство, будили мысль, и впоследствии Шкловский с полным правом смог сказать, что если формализм и был ошибкой, то такой, которая заслуживает памятника. Ахматова как исследователь сохранила независимость от доктрин формализма, но некоторые его методы использовала небезуспешно.

Источники и литература:

1. Ахматова А. Сочинения. В 2 т. / Анна Ахматова. – М. : Художественная литература, 1990.
2. Ахматова А. Сочинения. В 2 т. / Анна Ахматова. – М. : Правда, 1990.
3. Герштейн Э. Г., Вацуру В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине / Э. Г. Герштейн, В. Э. Вацуру // Временник Пушкинской комиссии, 1970. – Л. : Наука, 1972. – С. 30–44.
4. Гинзбург Л. Я. Ахматова (Несколько страниц воспоминаний) / Л. Я. Гинзбург // Воспоминания об Анне Ахматовой : Сборник. / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комментар. А. В. Курт – М. : Сов. писатель, 1991. – С. 126–141.
5. Жданов А. А. Доклад о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. / А. А. Жданов. – Л., 1946. – С. 8–14.
6. Жирмунский В. М. // Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Виктор Максимович Жирмунский. – Л., 1977. – С. 94–105.
7. Лелевич Г. Анна Ахматова (беглые заметки) / Г. Лелевич // Анна Ахматова: pro et contra / Сост. вступ. ст., примеч. Св. Коваленко. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 254–480.
8. Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т.1. 1924–25 гг. Т. 2 1926–27 гг. [Электронный ресурс] / Павел Николаевич Лукницкий – Paris, YMCA-PRESS, 1991. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/a/7535>
9. Письма Б. М. Эйхенбаума и Ю. П. Анненкова к А. А. Ахматовой. Публикация А. С. Крюкова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания : Вып. 1. – Воронеж : Воронежский университет, 1993. – С. 167–170.
10. Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. / Николай Николаевич Пунин – / Сост., предисл. и коммент. Л. А. Зыкова. – М. : Артист. Режиссёр. Театр. – 2000. – 527 с.
11. Чуковский К. И. Ахматова и Маяковский. / К. И. Чуковский // Анна Ахматова: pro et contra / Сост. вступ. ст., примеч. Св. Коваленко. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 208–258.
12. Чуковский К. И. Дневник 1901–1929. / Корней Иванович Чуковский – М. : Советский писатель, 1991. – 544 с.
13. Шкловский В. Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). / Виктор Борисович Шкловский – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.
14. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Борис Михайлович Эйхенбаум – Л., 1969. – 552 с.
15. Эйхенбаум Б. М. Терия «формального метода» / Б. М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. М. Литература : Теория. Критика. Полемика. – Л. : Прибой, 1927 – С. 116–148. Электронный код доступа : <http://www.opozaj.ru/method/method01.html>

Чернікова Л.Ф., Зубкова Л.В.**УДК 81'271:172****МОВНИЙ ЕТИКЕТ – НЕВІДЄМНИЙ ЕЛЕМЕНТ КУЛЬТУРИ МОВЛЕННЯ**

***Анотація.** В статті розглядається питання мовного етикету та мовної поведінки людини в найрізноманітніших життєвих ситуаціях. Мовний етикет – це частина загальної культури людини. Використання правил мовного етикету залежить від конкретної ситуації спілкування, місця й обставини розмови, але найбільшої ваги набувають міжособистісні стосунки. Мовний етикет – це набір або спектр фраз, якими ми послуговуємося у щоденних ситуаціях, чим вище рівень мовної культури, тим вищий її творчий потенціал, професійний рівень.*

***Ключові слова:** мовний етикет, спілкування, культура, стосунки, правила.*

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос речевого этикета и речевого поведения человека в различных жизненных ситуациях. Речевой этикет – это часть общей культуры человека. Использование правил речевого этикета зависит от конкретной ситуации общения, места и обстоятельства разговора, но наиболее важно – это межличностные отношения. Речевой этикет – набор или спектр фраз, которыми мы пользуемся в ежедневных ситуациях. Чем выше уровень речевой культуры, тем выше творческий потенциал, профессиональный уровень.*

***Ключевые слова:** речевой этикет, общение, культура, отношения, правила.*

***Summary.** Speech etiquette is a part of general human culture. The usage of speech etiquette rules depends on the particular situations of communication, of the place and conditions of the conversation. But the most important thing is that these are interpersonal relations. Speech etiquette is a set and a range of phrases of everyday situations. The higher the level of speech culture, the higher is the creative potential, professional level.*

***Key-words:** Speech etiquette, communication, culture, relations, rules.*

Від найдавніших часів мова супроводжує людину на всіх етапах її життя. Власне без мови не існувало б людини як розумної істоти, адже всі проблеми свого життя від найпростіших побутових до складних наукових, соціальних і політичних вона вирішує, користуючись мовою.